

НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «ОБОРОТА»

Йиржи Коростенски (Ческе-Будевице)

Уже некоторое время в лингвистике наблюдаем, что в ней структуралистический подход теряет свою доминантную и на самом деле всеобъемлющую позицию. Тем не менее «наступление» когнитивизма не было ни внезапным, ни фронтальным. В определенном смысле отношения между традиционализмом и новым направлением можно расценивать как комплементарные. В отличие от структуралистической лингвистики, созданной в один момент в качестве программы языкознания 20 века одним из выдающихся представителей языкознания Фердинандом де Соссюром, когнитивное направление зарождалось постепенно, даже незаметно «произрастало» на фоне того же структурализма, но и многих других дисциплин. Сама лингвистика не имела решающего теоретическо-методологического значения, а скорее, в основном на начальных этапах, носила дополнительный характер, напр., в форме частичных сопоставительных исследований. Помимо чисто грамматического и лексического направления,¹ в русистике развивалось традиционное страноведение, как специфический метод освоения русского языка иностранцами. Следующим важным моментом принято считать тот факт, что формирующееся направление не имеет общепризнанного научного лидера и хоть приблизительно очерченный предмет исследования.

Теоретическая основа когнитивизма на этот раз создавалась на почве других дисциплин, прежде всего в области феноменологической философии, представленной М. Хайдегером, и когнитивной психологии в лице Э. Рош. В наших условиях можно ярким представителем когнитивизма считать выдающегося философа Яна Паточку.²

Но где надо искать отправной пункт оборота? На первый взгляд создается впечатление, что между традиционной лингвистикой, представ-

¹ Апресян, Ю. Д.: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва 1974; Bierwisch, M.: Dimensionsadjektive als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens, in: Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. *Studia grammatica XXVI+XXVII*, Akademie-Verlag Berlin, 1987, s. 91 – 284.

² Vaňková, I.: Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa, *Slovo a slovesnost(SaS) č. 4, 1999, s. 283.*

ляемой в настоящее время структуралистическим направлением, и языкознанием, обозначаемым как когнитивное, существуют принципиальные расхождения. Но дело обстоит совсем не так. Оба направления изучают функцию, содержание, структуру и предпосылки функционирования языка в коммуникативном аспекте. Основное несоответствие можно наблюдать в их подходах и методологии. Если структурализм изучает язык с точки зрения функции, руководствуясь многими принципами естественных наук, и употребляя не только их терминологию, а также целый ряд взглядов относительно внутреннего упорядочения, т.е. внутренней структуры языка, то когнитивная лингвистика занимается теми же самыми вопросами, но «не боится» выйти за рамки собственной лингвистики и всерьез сотрудничать с другими науками. Тем создаются предпосылки для нового подхода, для нетрадиционных решений старых вопросов. Ян Патоčka данное передает словами: „*Svět vědeckých teorií, redukci a zobecnění – a přirozená lidská zkušenost, přirozený svět, svět žitý a každodenně zakoušený – to jsou dva zcela rozdílné kontexty.*“... „*Člověk nezačíná svou zkušenost nikdy od začátku, nikdy nepřijímá chaos, ale svět. V tom je korelace člověka a světa. Proto přirozený svět není dílem našeho konání: toto konání je zapuštěno do něčeho před námi, co v nás i s námi funguje.*“³

Феноменология устремляет внимание людей к естественной сущности мира, «назад к вещам самим» и тем существенно отличается от «научной» науки. Традиционалистическое (т. е. структуралистическое) бинарное понимание резкой дихотомии языка и речи с точно последующими субкатегориями теряет свою прежнюю полярность. Новая теория скорее выдвигает соединяющие звенья в качестве «мостиков» для перехода в другие «пространства». Господствующий раньше строгий «сепаратизм» постепенно теряет свое оправдание, и теоретические конструкты размещены в свободном пространстве, в котором встречаются определенные «узлы», что уже неоднократно описывалось с разных точек зрения, напр. в теории о прототипах Э. Рош,⁴ немного по-другому было рассмотрено в понятии о стереотипах Й. Бартомиńskiego⁵ или в толковании идеализированных когнитивных моделей Дж. Лакоффа.⁶

Сущность современных взглядов заключается прежде всего в отличающихся от прежних лингвистических установок на уровне начальных этапов перцепции речевой деятельности. В ней находят применение механизмы,

³ Patočka, J.: *Tělo, společenství, jazyk, svět*. Praha 1995, s. 130.

⁴ Rosch, E.: *Human categorization*/N. Warren (ed.), *Studies in cross-cultural psychology*, Academic press, vol. 1, N.Y. 1977, s. 1 – 49.

⁵ Bartmiński, J., Tokarski, R.: *O definicjach i definiowaniu*, Lublin 1993.

⁶ Lakoff, G., Johnson, M.: *Metafory, kterými žijeme*, Brno 2002.

сравниваемые с визуальными и акустическими восприятиями, напр. музыки или любыми другими стимулами.⁷

Многие исследователи-лингвисты взяли на вооружение методы таких дисциплин как психолингвистика, психология гештальтов, когнитивная психология, герменевтика и другие. Происходит и заимствование терминологии данных дисциплин: **фон/фигура**, **правила приоритета**, **теория прототипов**. Выдвижение семантики на первый план становится реальностью. С ней узко связана когнитивная лингвистика общими принципами поведения и действия. **Антропоцентризм** становится наиболее общим исходным пунктом для всех когнитивных исследований.

Однако нельзя забывать о том, что и классический структурализм признавал роль внеязыковой действительности в лексической семантике с тем, что последняя способствует важным изменениям в процессе становления значения, моделируя «протообраз» в форме денотата на пути к окончательному оформлению в лексеме. Но когнитивная лингвистика продвинулась еще дальше. Общая проекция внеязыковой действительности создает цельную систему под названием «**языковая картина мира**». На практике эту модель можно представить как «фильтр» когнитивного восприятия мира, который из окружающей среды отражает только определенную, а далеко не полную ее часть. Как такова, последняя ограничена и подчинена ряду факторов.

Неотраженными остаются явления, непостижимые или трудно постижимые органами чувств человека, напр. разные звуки, визуальные стимулы, выходящие за пределы обыкновенного чувственного восприятия. Даже отдельные органы чувств не занимают равноценное положение и **приоритетом** пользуются визуальные органы чувств. Избирательность и многогранность в формировании **концептов** языковой картины мира являются самыми существенными и типичными характеристиками.

Ограничения с одной стороны связаны с собственной сущностью глубинной структуры языка, когда один и тот же базис воспринимается языком на основе разных кодов, а с другой стороны свою роль несомненно имеют специфические культурные ограничения каждого конкретного языка.⁸ Не осознавая суть проблемы, рядовые носители языка в отдельных национальных и культурных сообществах не подозревают о том, что существуют целые комплексы правил, многие из которых весьма по-разному оценивают определенные явления, связанные с основными временными и параметрическими характеристиками как *глубокий, толстый, низкий, высокий* и др.

⁷ Рахилина, Е. В.: Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва. Русские словари. 2000. С. 347.

⁸ Ibid, с. 348.

К числу ключевых факторов следует отнести также **положение наблюдателя** по отношению к его основной ориентации *наверху, внизу, впереди, позади* и т. д. Указанные различия находят отражение в конкретном языковом выражении.

Лексическое значение совсем по-новому?

Другой подход к языку отразился естественно и в моделях, и в концепциях лексического значения. Нельзя не видеть, что даже структуралистическое понимание закрепляло за лексическим значением характер сущности, но данный тезис имел довольно строгие ограничения в том, что структурализм все-таки предпочитал заключать значение в тесные рамки простого языкового знака. Таким образом всегда понимался набор относительно ограниченных семантических черт с различительной функцией на фоне других знаков указанного типа, напр., в рамках семантического поля. Теперь рамками для его определения становится все чаще **языковая картина мира**.⁹

Система самых мелких семантических множителей значения «робко» допускала существование и других связей, которые являлись предпосылкой для включения лексического значения в другие, более членимые пространства. Функционирование так называемого более широкого значения допускалось, но сначала только в формальном плане. Лишь позже началось его углубленное изучение.¹⁰ Обширные, теоретически и практически направленные работы преподнесли доказательства, что лексическое значение построено намного сложнее, причем его включение в структуру обусловлено не открытыми и не описанными до сих пор правилами. Но до определенного времени традиционное рассмотрение значения преобладало, не допуская «инотолкования».¹¹

Хотя сущность лексического значения в своей упрощенной форме значительно приближается структуралистической модели, тем не менее оба взгляда расходятся в онтологическом и гнозеологическом аспектах. Структура модели базируется на противопоставлении, причем значения рассматриваются сначала в наиболее широком диапазоне, имеющем тесные контакты с визуальными представлениями и на более высокой ступени с концептуальными метафорическими структурами.

⁹ Machová, S., Švehlová, M.: *Sémantika a pragmatická lingvistika*. UK Praha, Pedagogická fakulta, Praha 2001, s. 23 n.

¹⁰ Němec, I.: *Rekonstrukce lexikálního vývoje*, Praha 1980, s. 7 n.

¹¹ Komárek, M.: *Komunikace versus systém?*, SaS, r. 60, č. 3, s. 187n. Mnozí lingvisté se obávají, že opuštěním pevného rámce lexikálního znaku dojde celkové „destrukci“ hodnot strukturalismu, zrelativizování jakéhokoli pevného rámce pro popis jazyka a formulaci jeho obecných zákonitostí.

Только соответствующая их конструкция дает возможность комплексного понимания отдельных объектов, описания и подхода. Сам процесс создания, в отличие от традиционалистических моделей, имеет всеохватывающий характер и объект рассматривается как единое целое. В данном случае не имеем в виду абстрактную схему, а факт, что определенные части объекта с точки зрения значения более существенны, чем другие. В результате язык на уровне номинации предпочитает пропуск им «не замеченных» объектов или их частей, что получает отражение в связующих звеньях лексического материала.¹² Примером может послужить значение **цветостойкости** объектов, которое не получает отражение в лексическом значении, а также диффузионный характер разных семантических структур. Одновременно следует не забывать о прототипической организации словарного состава.

Мир как пространство

Имеем тело и наша жизнь связана с пространством и временем. Таковы основные данные, из которых исходим, характеризуя антропоцентрическую среду. Наше тело выделяется на фоне окружающего нас мира, все остальные явления необходимо считать внешними, за «пределами» нашего тела.¹³ Подобным образом мы смотрим на остальные объекты. Если границы в реальности нет вообще или последняя нечетка, языковая картина ее образует и работает с ней.¹⁴

Физическое понимание времени на самом деле не имеет ничего общего с настоящим, «человеческим» проживанием времени. Поэтому «человеческий» взгляд обладает разными аспектами, что в конечном итоге соответствует формальной стороне языкового выражения. Общепринятая классификация времени как «прошлого», «настоящего» и «будущего» имеет все существенные, конкретные проявления в его понимании и мышлении. Прошлое представляет собой целостное восприятие человеческой жизни; несмотря на то, что элементы реальны, результатом является имажинация с наплывом реальности и наоборот. В философии так обсуждается роль и функция мифа. Миф тогда не знает свободы за исключением образа.¹⁵ Со всем противоположно понимается будущее. Оно кажется свободным. **Вера** с возможностью выбора нас продвигает вперед. Но абсолютную вершину человеческого бытия занимает в понимании Я. Паточки «настоящее»: “*Na-*

¹² Рахилина, Е. В.: Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва Русские словари 2000, с. 14.

¹³ Lakoff, G., Johnson, M.: *Metafory, kterými žijeme*, Brno 2002, s. 43.

¹⁴ *Ibid*, s. 44.

¹⁵ Patočka, J.: *Studie o času*. in: *Péče o duši III*. Praha 2002, s. 645.

proti tomu tím, že zpřítomňujeme (jednotlivosti), umíst'ujeme je do celku, který již musí býti, potřebujeme nerozdílnost, která skrze naše habere mluví a která je hlubší než každé habere. Habere je v napětí k esse, které nicméně nechtěně s sebou nese a vyjadřuje. Domnívající se, že mluvíme sami, jsme ve skutečnosti kusem mluvy bytí, která nezpřítomňuje, nýbrž naopak praví vždy něco více než přítomnost. Jelikož jazykové zpřítomňování a dorozumívání je možné toliko tím, že se chceme zmocnit celku, je tento celek nevýslovně v každém jazykovém pokusu přítomen."¹⁶

Философское измерение времени нельзя заменять понятием времени в языковой картине мира. Тем не менее, обе упомянутые категории взаимосвязаны и дополняют друг друга. Представляется правдоподобным, что общей точкой отсчета всегда было и есть «овеществление» исключительно абстрактной категории. Способность человеческого мышления к их конкретизации и «классификации» в соответствующие руслу философских и языковых отношений предоставляет человеческому мышлению огромные возможности обработки взглядов, причем только их персонификация и конкретизация дает возможность языкового оформления.

Языковая картина мира и классическая геометрия

Хотя уже раньше в языкознании скорее подсознательно появлялись намеки на то, что описываемое классической евклидовой геометрией пространство обладает по сравнению с языковым другими параметрами¹⁷, только в эре когнитивизма предполагаемое обрело вполне ясные очертания. Показалось, что евклидовский взгляд на мир в том плане, как его освоили лингвисты в процессе своего прежнего образования, в большой мере способствовал, да и во многих случаях до сих пор способствует созданию совсем другой призм для восприятия мира по сравнению с возможной реализацией посредством языковой картины. Ее суть заключается не столько в изолированном понимании частных понятий, сколько в обобщенном «виде сверху». Согласно некоторым лингвистам именно топологические типы (бесформенные, плоские, шаровидные) выполняют решающую функцию для организации пространства в смысле языковой картины мира. Когнитивная лингвистика в их понимании предлагает частичные фрагменты указанной картины с вариациями в межъязыковом и межкультурном

¹⁶ Ibid, s. 650, 651.

¹⁷ Bierwisch, M.: Some semantic universals of German adjectivals//Foundations of language, 1967, 3, s.1 – 36.; Апресян, Ю. Д.: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва 1974, с. 58.

сопоставлении.¹⁸ Их анализ является одной из важнейших, и одновременно сложнейших задач, которые лингвистика должна в настоящее время решать.

Антропоцентризм. Предпосылки изменений

Как было уже сказано выше, человек живет в определенной среде. Поэтому основой, смыслом наполненного существования человека является его способность создавать временные и пространственные представления с их последующим восприятием и обработкой на уровне языкового мышления в доступной форме с учетом конкретных культурно-исторических условий сквозь призму картины мира. Хотя в конкретных случаях наблюдаются различия, усиленные диахронной дивергенцией, мы тем не менее можем отметить некоторые общие черты, по крайней мере для некоторых культур и языков. Такое положение касается прежде всего отношения понятийного мышления и **нормы**. В языковой картине мира данная категория носит почти универсальный характер. Для конкретной иллюстрации мы выбрали самую значительную и в литературе когнитивного направления чаще всего упоминаемую **норму**. Проведем анализ таких понятий как а) размеры длины, б) позиция наблюдателя и его отношение к окружающей среде, в) проекция в словарный состав понятий прототипического характера с точки зрения отдельных аспектов языковой картины мира, принимающих участие в их формировании.

Попытаемся представить также роль отдельных слагающих в указанном многогранном процессе. Отправной точкой следует считать понятийное оформление линейных размеров в связи с их нормативным упорядочением в конкретном, культурном сообществе. Одновременно не надо забывать об относительности понятия **нормы** не только по отношению к конкретным особенностям упомянутого сообщества, а также к остальным сообществам в синхронном и диахронном плане. Именно поэтому абстрактно представленная категория **нормы**, как пересечения всех конкретных взглядов и подходов, является для определенного исторически ограниченного этапа в культурном коллективе людей элементом релевантным и относительно стабильным. Если бы она не существовала, было бы практически невозможно создать понятийную систему человека в нормативном порядке. Понимаем ее не только в узком смысле слова, но и как состояние, взаимодействие человека с окружением в смысле его коммуникативного процесса.

а) Указанные нормы в конкретных случаях в большей или меньшей степени отличаются друг от друга. Имеем в виду основные понятийные определения **длины, высоты, ширины, глубины, толщины** и т. д. вместе

¹⁸ Talmy, L. Semantics and syntax of motion// J. Kimball (ed.), Syntax and semantics 4. N.Y. 1975, s.181 – 238.

с их нормативным определением в конкретных культурно-исторических условиях. По-другому будет восприниматься средний рост человеческого индивида как категория в условиях пигмеев и голландцев. Разница несомненно и между более близкими в культурном отношении американцами и белорусами.

Самым важным фактором с этой точки зрения является классификация отдельных размеров по отношению к форме обозначаемого предмета, его расположению в пространстве и окончательной понятийной обработке.

Антропоцентризм проявляется помимо другого и в том, что для нас предмет *высок* не только в случае нашего знакомства с его *нормой*, но и в случаях незнакомых для говорящего предметов, когда происходит их уподобление известным уже человеку эталонам.

Даже в условиях минимального контекста атрибутивного прилагательного с существительным определяются нормативные ограничения для отдельных размеров.¹⁹ Достаточно посмотреть следующие словосочетания: 1а) *большая телега* – 1б) *длинная телега*, 2а) *большой шар* – 2б) *длинный шар?*, 3а) *большая черта* – 3б) *длинная черта*, 4а) *высокий забор* – 4б) *длинный забор*, 5а) *высокий столб* – 5б) *длинный столб*.

В словосочетании 1а представлены все три размера, в 1б только один. 2а обозначает не размер, а расстояние от гипотетического центра вместе с объемом, так как мы имеем дело с так называемой идеальной формой, т. е. одинаковым расстоянием от мыслимого центра. Из указанного вытекает, что объект 2б неверно локализован и словосочетание соответственно некорректно. Также словосочетание 3а нельзя считать правильным, ибо объект предполагает только один размер, как указано в 3б. Указанная расстановка представляет отношение имени прилагательного *большой*, как универсального размера с тем, что обозначает объем и площадь. У объектов 4а,б оба прилагательных относятся к разным размерам и в сочетаниях 5а,б разные прилагательные характеризуют одинаковый размер в разных внеязыковых ситуациях. Представленные примеры иллюстрируют общую зависимость между размером, внеязыковой действительностью, обработкой понятия и языковым оформлением.

б) **Языковая картина мира** располагает и другими аспектами, обуславливающими применение классификации размеров в конкретной ситуации. Имеем в виду *позицию наблюдателя*. В зависимости от нее один и тот же размер в конкретных условиях оцениваем как *глубокий*, если наблюдатель находится внутри предполагаемого КОНТЕЙНЕРА, а *высокий* в случае наружного наблюдения. От *позиции наблюдателя* зависит форма

¹⁹ Bierwisch, M.: Dimensionsadjektive als strukturierender Ausschnitt des Sprachverhaltens, in: Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven, Studia grammatica XXVI+XVII, Berlin 1987, s. 21.

«видимого» объекта и другие его характеристики.²⁰ Далее конкретный предмет (вытянутой формы) классифицируется наблюдателем как *широкий* (*узкий*) в зависимости от его наблюдения из предполагаемого центра или как *длинный* (*короткий*), если последний находится на одном из концов предмета.

Помимо **позиции наблюдателя языковая картина мира** располагает еще другой релевантной категорией. Ее можно условно назвать «иерархией функционирования слагающих» предмета, явления. Для языковой номинации размеров существенны не классические математические и геометрические модели, а роль отдельных слагающих называемого объекта в контексте **языковой картины мира**.

Прилагательное *глубокий* неупотребимо в любом контексте, представляющем с точки зрения геометрии формально похожие объекты как *кресло*, *шкаф*, *ванна* и многие другие. Хотя *стол* и *стул* обладают такими характеристиками, прилагательное *глубокий* здесь нельзя применить, так как данные объекты в **языковой картине мира** не выполняют функционально одинаковую роль КОНТЕЙНЕРА. Указанное понятие в обыкновенном применении предполагает использование глубины КОНТЕЙНЕРА, как релевантной черты.²¹

Следующим существенным понятием с данной точки зрения является **положение и ориентация** исследуемых объектов. Они обладают **фиксированным** в пространстве положением, без возможности его изменения, напр. *яма*, *озеро*, *пропасть*. Другие свое положение меняют напр. *кастрюли*, *стаканы* и некоторые виды мебели и т. д. В данном случае употребляется **норма** в соответствии с их нормативным назначением. В таком случае обозначение частей предмета не меняется и в случае, когда тарелку перевернем дном наверх. В этой категории размер *глубокий* применим для наименования далеко не всех названных объектов. Только те предметы, использование которых учитывает понятие **глубины** в смысле КОНТЕЙНЕРА, можно надлежащим образом наименовать. Можно даже говорить о контекстной зависимости, когда объект (напр. *шляпа*) приобретает **ориентацию** в соответствии с контекстом.²²

Важную роль имеет и **материал** из которого предмет изготовлен и следовательно его понятийная обработка в мысли человека: *«Длинная*

²⁰ Кубрякова, Е. С.: Семантика в когнитивной лингвистике* (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке), Известия АН, серия литературы и языка, 1999, том 58, № 5-6, с. 3 – 12.

²¹ Рахилина, Е. В.: Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость, Москва. Русские словари 2000, с.122.

²² Ibid, s.119.

веревочная лестница свисала с борта парохода»;²³ «Садовод нес длинную деревянную лестницу»; «Высокая лестница опиралась об стену дома».

в) **Прототипическое** понимание словарного состава было известно в науке уже раньше, но основу комплексного подхода к асимметрии отношений в рамках семантических групп, напр. **птиц, скота, цветов** и др. разработала только американский психолог Элеонора Рош.²⁴

Неполнота всех **прототипических знаков** в рамках целых групп между тем влияет на положение отдельных членов группы и определяет последние в иерархической организации всей системы. Поэтому в известной степени расплывчато понимание упомянутых единиц словарного состава, и тем неоднозначна их интерпретация. Косвенным результатом является и вопрос ограничения диапазона сочетаемости, и объем возможных контекстов. На данном месте следует напомнить о том, что именно для предметных имен, которые в отличие от глаголов не связаны с точно определенными контекстами, типична расплывчатая семантика.²⁵ Если говорить о неострости значения, его объеме или о возможностях применения в разных контекстах, мы должны не упускать из виду причины каждого конкретного явления.

Сочетаемость и коммуникативная организация словарного состава. Грамматические и лексические категории

Явные и менее явные аномалии в самых разных грамматических категориях естественных языков были предметом исследования уже давно, но их характер не связывался с семантическими отношениями. Даже употребление таких грамматических категорий, как вид и число имен существительных, в значительной степени обязано семантике лексем и коммуникативной организации систем более высокого порядка. Напр. разница в применении префиксальных и непрефиксальных вариантов несовершенного вида в предложениях «*От нечего делать он жег бумаги*»; «*Опасаясь обыска, он сжигал бумаги*» мотивирована **целевым значением** употребления префиксальной формы, больше соответствующей общей коммуникативной направленности, чем первый вариант. Подобные аналогии находим также в категории числа имен существительных, в которых «дефектное» использование форм множественного числа имен существительных в себе заключает «видовое» значение, напр. *соки, спирты, вина, газы* и т.д. По-новому выделено напр. значение **набора** в таких словах как *колеса (машины), струны (гитары)*, причем парные предметы (*сапоги, гусеницы, руки*)

²³ Апресян, Ю. Д.: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва 1974, с. 58.

²⁴ Лакофф, Дж.: Когнитивное моделирование, Язык и интеллект, 1996, с. 154 и сл.

²⁵ Рахилина, Е. В.: Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость, Москва. Русские словари 2000, с. 33.

образуют субкатеорию набора. В случае неточно закрепленного количества мы говорим о значении **групп** (*спички, краски, карандаши*)²⁶.

Корректировку некоторых взглядов наблюдаем также в сфере категории падежа. Грамматика падежей со времен Р. Якобсона вплоть до Р. Мразека развивалась преимущественно на грамматических основах, причем основным элементом управления, определяющим выбор и функционирование отдельных актантов, всегда считался глагол. Указанные роли формулированы по-новому не только в отношении связанных с глаголом актантов. В теории все большей поддержкой пользуется идея, согласно которой категория падежа сама по себе располагает семантической доминантностью, способной образовать определенные конструкции. В связи с указанным взглядом упоминается прежде всего славянский творительный падеж. Нам кажется плодотворным гипотез о выдвигении значения **наблюдаемости** сопоставительного творительного, который воспринимается более широко, как полностью «смысловой». У Е. Рахилиной (2000) приводятся следующие примеры: «*бросало, как щепку*», «*он воевал как Наполеон*», «*он смотрел/глядел Наполеоном*». Первый и второй примеры исключают творительный, так как целый процесс выражает сложный, не подвергающийся процессу наблюдения комплекс внутренних чувств. Третий пример в подобной лексической обстановке допускает вариант с творительным. Все объяснимо характером его **наблюдаемости**.

В случае лексических категорий последние расплывчаты и их обнаруживают только после детального анализа обширного лексического материального корпуса. Так удалось, напр., установить отношения **частей и дополнителей**, причем существует широкая переходная зона в смысле «языковой» неотделимости **частей от целого** (в рамках их дополнительно-сти). На самом деле можно выделить следующие группы: а) **ни в коем случае неотделимые части целого**, создающие только генитивные конструкции без возможности трансформации в предложное словосочетание с **от** (*край стола, гребень холма, угол комнаты*); б) **условно отделимые** в случае, когда генитивную конструкцию можно заменить предложной с **от** (*ножка [от] стула, воротник [от] пальто, рука [от] куклы Киры*); в) **дополнители выражены только предложной конструкцией**, в которой точно установлены функции дополняющего и дополняемого члена (*ключ от шкафа, наволочка от подушки, пояс от пальто*).

Хотя приводимые случаи не представляют картину, охватывающую полностью коммуникативную организацию словарного состава, тем не менее возможны частичные выводы. Сочетание целых рядов получает в указанной трактовке другой **коммуникативный центр**. В случае атрибутив-

²⁶ Ibid, s. 67 – 71.

ных конструкций им становится имя прилагательное, выступающее в качестве определенного семантического **оператора**, влияющего на самую значительную часть смыслового компонента существительного. Подобным образом ведут себя и наречия в сочетании с глаголами. Последние также обуславливают семантику, создающую **коммуникативный центр** лексемы. Тогда можно говорить о понятии **коммуникативного согласования**.

Коммуникативная организация

Открытие новых функциональных перспектив таких частей речи как имя существительное, прилагательное и наречие в значительной мере изменяет традиционное понимание предполагаемой доминантности глагола, как главного и центрального элемента построения предложения. В ходе более детального семантического анализа, указанных выше «периферийных» частей речи, был показан их семантический вес в построении словосочетаний и более сложных комплексов – текстов.

Кажется весьма правдоподобным, что степень уравновешенной пропорциональности тесно связана с историческим развитием ряда частей речи, которые с точки зрения диахронии формально и по содержанию связаны общими чертами. В конкретном случае речь идет о категории глагольного аспекта с тем, что суффиксы индоевропейского аспекта функционально совпадают с именными.²⁷

Метафора в языковой картине мира

В семантических системах был метафорический сдвиг традиционно представлен как однонаправленное движение, начиная с внеязыковой действительности, продолжая через мышление и кончая языковой системой. Обратная направленность получила распространение в теории Дж. Лакоффа. Поэтому создание его метафорического понимания мира существенно отличалось от первоначальной концепции Аристотеля.²⁸

Согласно идеям Лакоффа только посредством метафоры понимаем довольно абстрактные реальности или естественно неструктурированные сущности как весьма конкретные, или с вполне определенными чертами.²⁹

В традиционных семиотических системах предполагалась лишь однонаправленная связь внеязыковой действительности, мышления и языка. Поэтому взгляды Дж. Лакоффа, создавшие опору для обратного соотношения

²⁷ Красухин, К. Г.: Аспекты и времена праиндоевропейского глагола (часть I), Вопросы языкознания (ВЯ) № 6, 2005 г., с.28.

²⁸ Lakoff, G., Johnson, M.: *Metafory, kterými žijeme*. Brno 2002, s. 162.

²⁹ Lakoff, G.: *The contemporary Tudory of metaphor// Metaphor and thought/ Ed. by A.Ortony. Cambridge, 1993.*

такого понимания движения человеческой мысли, носили в свое время достаточно новаторский характер.

Основным принципом механизма метафоризации считаются сигнификативные и денотативные «сгустки», представляющие собой в обобщенной форме парадигматическую модель метафорической проекции. Различаются области источника и цели с тем, что устойчивые совпадения в рамках названных областей принято в литературе лингвистического и культурологического направления называть **концептами**, или **концептуальными метафорами**, напр. *время* → *деньги, спор* → *война* и др.³⁰

Преимуществом такой теории метафоры является высокая степень обобщения и объединения разного рода конкретных метафор в едином концепте, что невозможно было в классическом ее варианте. Таким образом исключаются трудно решимые проблемы с установлением единого классификационного критерия.

Частичные выводы

Когнитивизм в лингвистике находится только на начальном этапе своего развития. Но уже теперь можно с уверенностью сказать, что «модернизм» намечает совсем новые возможности решения ряда вопросов, именно на уровнях лексической, синтаксической и текстовой семантики. Пока находимся на этапе дискуссий и проверок на тему **языковая картина мира**.

Многие когнитивные теории будут опровергнуты или под «давлением» лингвистических анализов модифицированы. Несмотря на это, было бы ошибкой резко противопоставлять оба направления, хотя именно в таком плане развивается дискуссия некоторых наших ведущих лингвистов.³¹ Согласно до сих пор известным результатам исследований, можно отношение обоих направлений скорее оценивать как симбиоз, в рамках которого творчески продолжают и развиваются идеи структурализма.

³⁰ Баранов, А. Н.: О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания (ВЯ), 2003. № 2, с. 76.

³¹ Kořenský, J.: Procesuální gramatika v kontextu současných tendencí lingvistického myšlení, SaS, č. 1, 2003, s. 1-7; Komárek, M.: Komunikace versus systém, SaS č. 3, 1999, s. 187 – 194. a další.

Литература:

- АПРЕСЯН, Ю. Д.: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва 1974.
- БАРАНОВ, А. Н.: О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания (ВЯ). 2003. № 2.
- КРАСУХИН, К. Г.: Аспекты и времена праиндоевропейского глагола (часть I), Вопросы языкознания (ВЯ) № 6, 2005 г.
- КУБРЯКОВА, Е. С.: Семантика в когнитивной лингвистике* (о концепте контейнера и формах его объективизации в языке), Известия АН, серия литературы и языка, 1999, том 58, № 5-6.
- ЛАКОФФ, Дж.: Когнитивное моделирование, Язык и интеллект, 1996.
- РАХИЛИНА, Е. В.: Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость, Москва. Русские словари 2000.
- BARTMIŃSKI, J., TOKARSKI, R.: O definicjach i definiowaniu, Lublin 1993.
- BIERWISCH, M.: a) Dimensionsadjektive als strukturiender Ausschnitt des Sprachverhaltens. In: Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven, *Studia grammatica XXVI + XXVII*, Berlin 1987; b) Some semantic universals of German adjectivals // *Foundations of language*, 1967.
- KOMÁREK, M.: Komunikace versus systém?, *Slovo a slovesnost (Sas)*, č. 3, 1999.
- KOŘENSKÝ, J.: Procesuální gramatika v kontextu současných tendencí lingvistického myšlení, *Sas* č.1, 2003.
- LAKOFF, G.: *The contemporary Tudory of metaphor// Metaphor and thought/* Ed. by A.Ortony. Cambridge, 1993.
- LAKOFF, G.; JOHNSON, M.: *Metafory, kterými žijeme*, Brno 2002.
- MACHOVÁ, S., ŠVEHLOVÁ, M.: *Sémantika a pragmatická lingvistika*. UK Praha, Pedagogická fakulta, Praha 2001.
- NĚMEC, I.: *Rekonstrukce lexikálního vývoje*, Praha 1980.
- PATOČKA, J.: a) Studie o času. In: *Péče o duši III*. Praha 2002, s. 645; b) *Tělo, společenství, jazyk, svět*. Praha 1995.
- ROSCH, E.: *Human categorization//N. Warren (ed.), Studies in cross-cultural psychology*, Academic press, vol. 1, N.Y. 1977.
- TALMY, L.: *Semantics and syntax of motion// J. Kimball(ed.), Syntax and semantics 4*. N.Y.: Academic press 1975.
- VAŇKOVÁ, I.: *Člověk a jazykový obraz (přirozeného) světa*, SaS č.4, 1999.